

Вэнь Юэань молчал.

Снаружи слышались шаги, и Хэ Юйлоу снова спрятался под кровать.

Тонкая полоска света проникла в комнату из-за двери.

Гу Цзяпэй говорила тихо, но в её голосе чувствовалась лёгкая тревога:

— Куда это убежал Юйлоу? Уже так поздно.

Хэ Шэньпин ответил шёпотом:

— Здесь живут семьи преподавателей консерватории, а Юйлоу — мальчик. Что с ним может случиться? Иди отдохни, не беспокойся о нём. Он хитер, как чертёнок, стоит тебе уйти, как он сам вернётся в свою комнату и ляжет спать.

Дверь закрылась, и комната вновь погрузилась в темноту и тишину.

Хэ Юйлоу постучал по доске кровати два раза:

— Эй, я ведь играю на фортепиано просто замечательно, правда?

Спустя долгую паузу сверху раздался ответ:

— Угу.

Через некоторое время Хэ Юйлоу снова заговорил:

— Пол такой твёрдый, я весь затек.

С кровати сбросили подушку.

Хэ Юйлоу подложил её под голову и проспал всю ночь под кроватью Вэнь Юэаня.

В те годы, когда Хэ Юйлоу попадал в неприятности, он всегда прятался под кроватью Вэнь Юэаня. Позже он вырос в достаточно яркого юношу, перестал попадать в неприятности, и больше не было нужды прятаться.

Однако иногда он всё же приходил туда спать, словно это была какая-то странная привычка, о которой никто, кроме Вэнь Юэаня, не знал.

Если Вэнь Юэань не мог найти кого-то, он обычно заглядывал под свою кровать и видел там любившего носить чёрную одежду юношу, лежащего на полу в окружении разбросанных нот,

которые он не успел дописать.

Вэнь Юэань, сидя в инвалидной коляске, слегка наклонился, чтобы посмотреть на юношу под кроватью. Он тихо позвал:

— Шиге.

У Хэ Юйлоу не было младших братьев или сестёр, и в детстве он всегда хотел быть старшим братом, поэтому просил Вэнь Юэаня называть его «гэ», чтобы почувствовать себя старшим.

Вэнь Юэань отказывался.

Хэ Юйлоу жестом показал разницу между ними. Оба сидели на фортепианной скамье, но он был значительно выше:

— Ты ведь действительно старше меня, что плохого в том, чтобы назвать меня гэ?

Вэнь Юэань ответил:

— Ты мне не гэ.

Хэ Юйлоу настаивал:

— Я твой гэ.

Вэнь Юэань сказал:

— Ты сын учителя Гу и учителя Хэ, а я — нет.

Он с самого начала чётко разделял это и никогда не считал себя частью семьи Хэ.

Хэ Юйлоу задумался на мгновение, затем полез на самый верх книжного шкафа, где среди стопки нот нашёл спрятанную им книжку с картинками — иллюстрированную историю о древних странствующих героях.

— Ладно, ты должен был бы называть меня гэ, но если не хочешь, то и не надо. Ты ведь учишься здесь играть на фортепиано, и начал позже меня, так что называть меня шиге вполне уместно. — Хэ Юйлоу указал на одну из иллюстраций. — Но смотри, «учёные смущают законы своими писаниями, а герои нарушают запреты своим мечом». Мы, играющие на фортепиано, вероятно, ближе к героям. Если ты сможешь сыграть лучше меня, то не будешь обязан следовать этому правилу.

В то время Вэнь Юэань был ещё слишком юн, чтобы понять всё сказанное, но уловил главное: Хэ Юйлоу хотел состязаться с ним в игре на фортепиано.

Он выбрал самое сложное произведение, но всё равно не смог победить.

Хэ Юйлоу играл на фортепиано на несколько лет дольше Вэнь Юэаня и мог бы победить без труда. Если Вэнь Юэань играл произведение сложностью в пять баллов, Хэ Юйлоу мог сыграть шестибалльное и выиграть. Однако Хэ Юйлоу никогда не уступал. Ещё в начальной школе при консерватории он часто ставил других в неловкое положение, и если у него были способности на десять баллов, он никогда не играл на девять.

Когда Хэ Юйлоу закончил играть, Вэнь Юэань долго смотрел на его пальцы, не говоря ни слова.

Хэ Юйлоу рассмеялся — снова тем смехом, который казался то ли озорным, то ли дразнящим.

Посмеявшись, он наконец произнёс:

— Называй.

Вэнь Юэань не стал.

Хэ Юйлоу приподнял бровь, уголки его губ изогнулись ещё сильнее, и на этот раз его намерение было явно озорным:

— Ещё раз?

Вэнь Юэань сжал губы:

— Ещё раз.

— Нельзя. — Хэ Юйлоу покачал головой, улыбаясь. — Сначала назови.

Вэнь Юэань молчал.

Хэ Юйлоу встал, потянул пальцы, зевнул и направился во двор.

— Только после того, как назовёшь, будет следующий раз.

Его голос звучал бодро, и во всей его осанке читались беззаботность и уверенность. Даже со спины Вэнь Юэань видел, что он улыбается.

Спустя долгую паузу Вэнь Юэань нерешительно крикнул в дверь:

— ...Шиге.

На самом деле Хэ Юйлоу стоял, прислонившись к наружной стене дома, бросая корм карпам и ожидая, когда Вэнь Юэань позовёт его. Но он притворился, что не слышит, желая услышать это ещё раз.

Когда он услышал звук инвалидной коляски, то просто лёг в траву во дворе, притворяясь спящим.

Вэнь Юэань подъехал к двери на коляске и крикнул в траву:

— Шиге.

Только после того, как он позвал несколько раз, Хэ Юйлоу сел, отряхнул траву с одежды и спросил, словно ничего не произошло:

— Что?

С тех пор Вэнь Юэань часто состязался с Хэ Юйлоу в игре на фортепиано, и, за исключением последнего раза, никогда не побеждал.

Так что слово «шиге» он произносил с детства и до юности.

Однажды, найдя Хэ Юйлоу под кроватью, Вэнь Юэань позвал:

— Шиге, учитель Гу сказал, чтобы ты пошёл со мной копировать каллиграфию.

Хэ Юйлоу не открыл глаза:

— Что копировать?

Вэнь Юэань ответил:

— «Стелу Цао Цюаня».

Хэ Юйлоу потянулся за листом с нотами и накрыл им лицо:

— «Стела Цао Цюаня» слишком строгая, скучно.

Вэнь Юэань хотел писать в стиле «синшу», следуя мастерам Ван Сичжи и Ван Сяньчжи, чей почерк отличался изяществом, но сказал:

— Тогда, может, копировать вэйбэй?

Хэ Юйлоу лежал с закрытыми глазами, будто размышляя о чём-то. Через некоторое время он вылез из-под кровати и сразу же взялся за бумагу и тушь, сказав, что будет копировать вэйбэй.

Гу Цзяпэй любила ханьский стиль «лишу», а Хэ Юйлоу предпочитал вэйбэй, что было похоже на Хэ Шэньпина.

В детстве Хэ Шэньпин заставлял Хэ Юйлоу копировать «Стелу Чжан Мэнлуна» и «Стелу Чжэн Вэньгуна». Почему Хэ Юйлоу был силён и энергичен в каллиграфии, так это благодаря основам вэйбэй.

Много лет спустя Вэнь Юэань писал свои мемуары, и это было странно.

В жизни человека, возможно, есть лишь несколько дней, когда всё переворачивается с ног на голову, а остальное — бесконечная череда обыденности. Однако он уделял слишком много внимания этим обыденным дням, рассказывая об игре на фортепиано, каллиграфии, игре в шахматы, страница за страницей, словно не уставая писать о самых мелких, даже повторяющихся вещах, как будто не было дня, который не стоил бы упоминания.

О тех же днях, когда всё переворачивалось, он часто упоминал лишь вскользь, иногда оставляя на целой странице всего одно предложение.

Например, на одной из страниц, посвящённых детским воспоминаниям, было всего две строки: «В зимний месяц второго года правления Жэньинь, выпал сильный снег. Учитель Хэ был объявлен правым и отправлен на трудовое перевоспитание на фарфоровый завод. Учитель Гу провожала его на вокзал вместе с нами».

Снег на юге всегда смешан с ледяным дождём, и, падая на землю, он быстро тает, а холод проникает до самых костей. Дождь и снег, подхваченные ветром, летят косо, и даже самый большой зонт не может полностью защитить.

Хэ Шэньпин нёс багаж и рюкзак, Гу Цзяпэй держала на руках Вэнь Юэаня, а Хэ Юйлоу и Хэ Юйгэ шли рядом, каждый с зонтиком.

Вся группа шла по обледенелой дороге к вокзалу.

Это был не самый красивый пейзаж — снег на земле быстро таял, превращаясь в грязь, вода стекала по ледяным крупцам, извиваясь, и, если неосторожно ступить, просачивалась в носки.

На юге снег выпадал редко, и Хэ Юйгэ, оглядываясь по сторонам, спросила:

— В книгах написано: «Горы танцуют, словно серебряные змеи, равнины мчатся, как восковые слоны», и ещё: «Серебристый наряд, особенно прекрасен». Почему я этого не вижу?

Хэ Юйлоу ответил:

— Ты забыла первую строку: «Северный пейзаж».

Хэ Юйгэ возразила:

— Разве это справедливо? Разве снег на севере чистый, а на юге — грязный?

Хэ Шэньпин перекинул багаж на плечо, держащее зонт, и освободившейся рукой погладил Хэ Юйгэ по голове, мягко сказав:

— Снег, конечно, чистый. Просто иногда его кто-то пачкает.

Всю дорогу Гу Цзяпэй молчала, но в этот момент тихо произнесла:

— Грязные — люди.

Хэ Шэньпин тихо вздохнул:

— Цзяпэй.

Эти два слова мгновенно растворились в ветре, имя, лёгкое, как перо, в этом бескрайнем дожде и снеге.

— Как холодно, как холодно! — Хэ Юйгэ наступила в лужу и тут же отдернула ногу. — Когда мы уже доберёмся до вокзала?

Хэ Шэньпин одной рукой поднял Хэ Юйгэ:

— Скоро.

Большие часы на крыше вокзала уже проступили сквозь туман дождя и снега.

Гу Цзяпэй крепче прижала к себе Вэнь Юэаня:

— Впервые в снежный день хочется, чтобы путь был длиннее.

С земли доносился звук шагов по снегу.

Раз за разом.

Впереди прозвучал звон колокола.

Раз за разом.

На вокзале поезд ещё не прибыл, и Хэ Шэньпин достал из рюкзака пакет конфет:

— Возьмите.

Хэ Юйлоу развернул упаковку, дал по конфете Гу Цзяпэй, Хэ Юйгэ и Вэнь Юэаню, а затем положил пакет обратно в рюкзак Хэ Шэньпина.

В памяти Вэнь Юэаня именно в тот день, когда он держал в руке конфету, ещё не успев положить её в рот, он увидел, как Хэ Юйлоу стоит на платформе, где свистел ледяной ветер, принимает багаж с плеча Хэ Шэньпина и за время, пока подходил зелёный поезд, превратился из мальчика в юношу.

Раздался долгий гудок, и поезд прибыл.

На этой станции он стоял десять минут.

<http://bllate.org/book/15543/1382939>